

Воспоминания о П.И.Рябинине-Андрееве

Пение былин Петром Ивановичем Рябининым-Андреевым впервые я слышал в 1936 г., когда был еще школьником. В эти годы я с увлечением участвовал в работе Детского Литературного Университета, созданного С.Я.Маршаком. Наш замечательный руководитель, кроме литературных занятий, любил устраивать для нас встречи с разного рода интересными людьми. Среди них запомнились известный исследователь Арктики В.Ю.Визе, "герой-челюскинцы", как их тогда называли, писатель А.И.Пантелеев, автор "Республики ШКИД", археолог Б.Б.Пиотровский, литературовед и писатель А.Л.Слонимский и др. В 1936 г. среди "интересных людей" оказались северно-русские сказители – крупнейший русский сказочник М.М.Коргуев, певец былин и сказочник Ф.А.Конашков и П.И.Рябинин-Андреев.

Мое отношение к фольклору в то время было еще наивным и мальчишески рационалистическим. Былины из школьных хрестоматий или изданий для детей мне решительно казались скучными. Сказки увлекали меня в дошкольные годы, но позже не интересовали, хотелось читать "о жизни". Поэтому пожилые бородатые мужчины, которые очень серьезно и достойно, но вместе с тем увлеченно и мастерски исполняли былины и сказки, поразили меня. Мне представлялось тогда, что всякие стихи – это нечто для юношества, это, как кто-то сказал, "род кори", которой болеют в раннем возрасте и которой я сам был весьма заражен.

Я не помню точно, но вполне вероятно, что фамилия Рябининых помнилась мне по школьной книге для чтения в сочетании с портретом бородатого осанистого мужика в армяке. Но здесь Рябининым оказался сравнительно молодой мужчина (ему тогда был 31 год), очень подвижный и по-своему щеголеватый.

В 1937 г. я стал студентом филологического факультета Ленинградского университета и начал заниматься фольклором под руководством М.К.Азадовского. Первые мои курсовые работы были связаны с север-

но-русскими былинами (позже – с казачьими). В студенческие годы я несколько раз слышал Петра Ивановича в его приезды в Ленинград (в университете и в Союзе писателей). В 1939 г. он пел на Всеокарельском совещании по фольклору, в организации которого я принимал участие. К этому времени я уже побывал в экспедициях в Пудожский район Карелии и слышал не только Рябинина-Андреева, но и И.Т.Фофанова, А.М.Пашкову, Н.В.Кигачева, некоторых заонежских певцов. У меня появился материал для сравнения. И должен сказать, что рябининское пение и рябининская манера были несравнимы. Конкурировать мог только И.Т.Фофанов.

Знакомства же с Петром Ивановичем в буквальном смысле этого слова не произошло. Он знал, что в совещании фольклористов принимают участие студенты – ученики М.К.Азадовского (А.Д.Сойманов, Г.Н.Парилова, М.М.Михайлов, В.В.Чистов и др.), однако интереса к нам не испытывал. Другое дело старшие фольклористы – М.К.Азадовский, А.М.Астахова, Ю.М.Соколов, Н.П.Андреев, директор института В.И.Машезерский, республиканско начальство. Он с упоением купался в лучах славы – был награжден орденом "Знак Почета", принят в члены Союза писателей, получил, несмотря на свой еще далеко не пенсионный возраст (в 1938–1940 гг. ему было 33–35 лет), персональную пенсию. О нем писали газеты всех рангов. Постоянно приглашали в Москву, Ленинград, Петрозаводск. В 1939 г. вышла книга "Былины П.И.Рябинина-Андреева". Именно "Былины Петра Ивановича Рябинина-Андреева", а не былины в записи от него. Это также укрепляло Петра Ивановича в убеждении, что все авторские права на наследство всех Рябининых принадлежат ему и никому больше. В действительности же он был хранителем и исполнителем былин, созданных не только задолго до него, но и задолго до его прадеда Трофима Григорьевича Рябинина, чьи заслуги, разумеется, никто не может приуменьшить. Он тоже был талантливым, как и его сын, внук и правнук, но именно хранителем и исполнителем былин, созданных традицией. Петр Иванович прекрасно знал о записях П.Н.Рыбникова, А.Ф.Гильфердинга, Е.А.Ляцкого и А.С.Аренского, В.Н.Всеволодского-Гернгросса, экспедиции ГАХН, А.М.Астаховой и др. от его предков, знал он и о весьма высокой оценке рябининской традиции русской наукой.

Слава и популярность Рябинина, официальное отношение к нему связанны были не только со знанием Петром Ивановичем старых былин, доставшихся ему по наследству, но и с сочинением так называемых "новин", т.е. эпических пессен, как это тогда называлось, "о советских вождях и героях" – Сталине, Ворошилове, Чапаеве, Антиканене и др. Они (не получившие в дальнейшем никакой жизни в народной среде) поспешно объявлялись "новым эпическим жанром, в полной мере спо-

собным отразить нашу замечательную эпоху"¹. Необходимо отметить, что процитированные выше строки, внушенные официальным отношением к "новинам", у А.М.Астаховой сочетались со смелыми для того времени отрезвляющими замечаниями: "В его новых созданиях (имеются в виду "новины" П.И.Рябинина-Андреева. – К.Ч.) сильны еще элементы стилизаторства. В художественном отношении поэтому в них наравне с несомненными творческими достижениями есть немало и творческих неудач"². Не буду демонстрировать эти неудачи, они достаточно известны специалистам.

Потом началась война, нахлынули совсем другие заботы, тревоги, проблемы. Известно, что во время войны Петр Иванович не только воевал, но и пел быlinы в воинских частях и госпиталях. Как это воспринималось его слушателями, мы не знаем. Он об этом не рассказывал.

В 1947 г. я приехал работать в Петрозаводск и стал заведовать отделом литературы и фольклора Института языка, литературы и истории, формировавшегося в то время Карельского филиала Академии наук СССР. В последующие годы мое общение с Петром Ивановичем (вплоть до его смерти в 1953 г.) приобрело совсем иной характер. Дело не только в том, что мы часто стали встречаться и не только познакомились, но и подружились, и я узнал его значительно лучше. Петр Иванович бывал у меня дома (мы жили близко друг от друга – я на ул.Пробной, он – на Волховской). Я иной раз заходил к нему. Он пел на моих лекциях по фольклору в пединституте, мы встречались в Союзе писателей и во многих других местах.

Петр Иванович в эти годы трагически переживал ситуацию, в которой оказался. В послевоенные годы карельским властям было не до былин и не до Рябининых. Разоренная войной республика напрягалась как могла, чтобы хоть как-то нормализовать экономику, обеспечить людей хоть каким-то жильем, хоть как-то поддержать людей, возвратившихся из эвакуации. В такой обстановке пропагандой фольклора и демонстративным вниманием к сказителям не наживешь политического капитала, как это было до войны. Петр Иванович получал персональную пенсию, имел квартиру в Петрозаводске, был членом Союза писателей... Что ему еще надо? "Новины" перестали кого-либо волновать и почти перестали появляться в печати (причем не только в Карелии). Сошлись при этом не только на мои воспоминания, а на свидетельство фундаментальной библиографии М.Я.Мельц "Русский фольклор". В предвоенные годы

¹ Астахова А.М. От редактора // Быlinы П.И.Рябинина-Андреева. Петрозаводск, 1939. С. 4. В этом же сборнике его составитель В.Г.Базанов посвятил восемь вполне восторженных страниц "новинам" Петра Ивановича.

² Астахова А.М. Указ. соч.

учтено несколько десятков публикаций, следовавших одна за другой, связанных с Рябининами, причем особенно с Петром Ивановичем. После 1945 г., кроме нескольких дежурных упоминаний, появилась только одна статья А.Разумовой и А.Беловановой "Продолжение традиций" ("На рубеже". 1946. № 2-3. С.73-76), написанная в предвоенном духе.

Петр Иванович в эти годы (после непомерного взлета его славы в 1938-1940 гг.) остро переживал охлаждение к нему руководства республики, руководства Союза писателей, прессы и шире и глубже – свою невостребованность. Очень существенным было то, что он стал жить в Петрозаводске, оторвался от родной Заонежской почвы. Завершился процесс его раскрестьянивания. Его земляки в сильно опустевших заонежских деревнях стали все больше ориентироваться не на традиционные формы живого народного слова, а на средства массовой информации, городские и профессиональные формы, ранее им недоступные. В результате Петр Иванович потерял, как говорят в таких случаях социологи, свою социальную нишу, перестал быть крестьянином, смотрителем маяка, потерял менталитет сельского жителя, не получив в городе ничего равнозначимого. Он обрел преждевременный "заслуженный отдых" пенсионера в сорок с небольшим лет. Он изнывал от безделья, хотя, по деревенским понятиям, умел многое – и плугом, и топором, и рыболовецкими снастями, и косу направить, и обутку, если надо, починить. Что же он должен был делать в городе без городской профессии? Литератором он не стал и не мог стать. Рядовым плотником или чернорабочим – это не приходило ему в голову, даже как бы унижало его. Петр Иванович стал сторожем Зарецкого кладбища. Работа старицкая и не отнимавшая у него много времени. Он стал попивать, к чему его, между прочим, толкала также его должность кладбищенского сторожа (то похороны, то поминки, то родительская суббота, то еще какой-нибудь день поминовения). Попытки что-то писать и печатать не удавались, более того, не встречали сочувствия, хотя в памяти П.И. хранились интересные воспоминания, которыми он иногда делился в разговорах. Свидетельством тому – посмертно опубликованные воспоминания в четвертом номере "Кижского вестника" (1994). Попытки требовать вспомоществования в Союзе писателей или Совете Министров, ЦК Карелии, как правило, к успеху не приводили, как и попытки требовать повторного издания сборника былин, отдельных "новин" и пр. При этом он был обычно очень настойчив, как сказала бы сейчас молодежь, "крутко качал права", которые за ним все еще признавались и уже не признавались. Отсюда – постоянное чувство обиды. Он был уверен в том, что располагает богатством, но оно оказалось никому не нужным, что было, разумеется, неверным. Богатство это заключалось не в родстве с Рябининами, его предшественниками, а в первоклассном умении петь старые былины,

умении "держать текст", варьируя его, в хорошем голосе, дикции, точных интонациях. Он владел всем, что нужно было для того, чтобы быть первоклассным исполнителем былин. Он это знал и очень ценил. Когда кто-то это тоже понимал и оказывал ему хоть какое-то внимание – его видимое корыстолюбие исчезало, он оказывался добрым и щедрым человеком.

Как уже говорилось, я несколько раз приглашал его петь быlinы студентам пединститута, которым читал курс фольклора. Приглашал его для этих же целей и Е.М.Мелетинский, читавший фольклор в университете. Ни он, ни я никогда не слышали от Петра Ивановича ничего о горнораре за выступления. Он был благодарен за то, что его хотели слушать. Этим же я объяснял и его дружеское отношение ко мне. Я всегда был готов его слушать и был рад этому. Он знал, что я советовал приглашать его в школы. Однако я никогда не говорил с ним о "новинах" и их судьбе. Он тоже никогда о них не упоминал, как не любил рассказывать о своих походах в ЦК республики, Совет Министров, правление Союза писателей и т.п.

Таким он мне запомнился, и я с трудом вспоминаю о других его качествах, о которых упоминалось выше. Таким, как мне кажется, он должен вспоминаться всем, кому дорог русский фольклор и шире – русская культура. Потому что остальное – это его частная человеческая судьба, которая была к нему достаточно безжалостной.

Несколько слов о том, как эта судьба складывалась.

Недавно в Париже вышел хороший учебник по русскому фольклору для французских студентов³. В нем есть глава "Династия Рябининых", в которой с уважением говорится о рябининской традиции, о четырех поколениях Рябининых. Петру Ивановичу посвящен один абзац, в нем читаем: "...это была карьера, типичная для сталинской эпохи"⁴. В определенной мере это верно. Я уже говорил об этом. Но объяснить все, что случилось с Петром Ивановичем, только ситуацией сталинского времени, значит, игнорировать то, что происходило с ним в двадцатые годы и в начале тридцатых.

Характерна в этом отношении заметка о Рябининых в "Большой советской энциклопедии" (1975, 3-е изд.). Здесь можно прочитать: "Пел быlinы со значительным отклонением от традиции, иногда создавал внефольклорные произведения – стилизованные "новины". Значение быlinного творчества Р. (неясно, речь идет о П.И. или даже обо всех Рябининых. – К.Ч.) для науки очень невелико" (с.22).

Я не буду полемизировать с автором написанного. Скажу только, что эти "отклонения" совершенно естественны для обычного варьирования фольклорного текста. Некоторые исследователи утверждали нечто

³ Lise Gruel-Apert. La tradition orale russe. Paris, 1995.

⁴ Там же. С. 82.

обратное: тексты Рябининых очень устойчивы, что тоже далеко не точно. Здесь же автор утверждает, что он точно знает, в чем Петр Иванович не должен был "отклоняться", даже лучше, чем сами исполнители. Последняя же фраза приведенной цитаты просто чудовищна. Значение записей традиционных былин от Петра Ивановича трудно переоценить. Мне не хотелось бы ломиться в открытую дверь. Каковы бы ни были "новины", они не должны заслонять прекрасного сказительского мастерства Петра Ивановича, как и других Рябининых.

Что же происходило с ним до середины тридцатых годов?

Уже в 1921 г. он встречается с собирателями – ему в это время 16 лет. В 1926 г. в Заонежье побывала экспедиция ГАХН (Москва), и, так как отец Петра Ивановича к этому времени уже скончался, внимание собирателей, интересовавшихся судьбой рябининской традиции, сосредоточилось на Петре Ивановиче. Заметим, что ему в это время был 21 год. Обычно исполнители былин в таком возрасте не решались петь собирателям в присутствии пожилых людей. Петь былины считалось делом стариков.

В 1932–1933 гг. от него снова записывают М.Б.Каминская и Н.Н.Тяпонкина. Все это способствовало началу професионализации Петра Ивановича, за которую ему пришлось расплачиваться в послевоенные годы. О "новинах" еще речи не было, если не считать того, что в 1935 г. в беседе с корреспондентом газеты "Красная Карелия" Петр Иванович, воодушевленный знаменитым в то время фильмом о Чапаеве и, видимо, бурной фольклоризацией самого образа Чапаева (в те годы мальчишки во всех дворах играли в "Чапаева"), сказал, что Чапаев – богатырь и он хотел бы спеть о нем былину. Это воспринимается теперь как непривычное, не навязанное еще "сверху" движение к "новинам". И только на следующем этапе своей жизни он попал в волны официального прославления и почета. Но даже в те годы самими сказителями он воспринимался как слишком молодой и "торопящийся" человек. Об этом говорила, например, Н.С.Богданова. Я слышал то же самое от И.Т.Фофанова и Ф.А.Конашкова ("молод парень!"). В годы наивысшей официальной славы ему было 33–35 лет. Ф.А.Конашкову в 1938 г. было 78 лет, И.Т.Фофанову – 67. Разумеется, это не значит, что былины он пел хуже их. Петр Иванович знал об отношении к нему стариков и в свою очередь отвечал им неприязнью. Более того, "правильным" он считал только рябининский стиль исполнения и рябининские тексты. В этом тоже сказывался переживавшийся им комплекс неполноценности, который перекрывался амбициями. В 1938–1941 гг. этот комплекс казался преодоленным, но после войны он снова возник и приобрел некоторые новые мотивировки.

И, наконец, еще об одном эпизоде. В 1951 г. из очередной командировки в Ленинград я вернулся с только что вышедшим сборником А.М.Астаховой "Былины Севера" – одним из самых значительных сборников былин в истории русской фольклористики. Вскоре я встретил Петра Ивановича и зазвал его к себе, чтобы показать новинку – тем более что в сборнике были впервые опубликованы записи от него, произведенные еще в 1932–1933 гг. Он, разумеется, живо заинтересовался книгой и попросил ее на несколько дней. Это было давно желанное событие, и он был горд. Он вернул книгу примерно через месяц, очень внимательно прочитав ее. В книге он оставил три пометы: 1) расписался на оглавлении на тех строках, где значились названия записей от него: "10 былин, списаны у П.И.Рябинина-Андреева"; 2) отчеркнул эпизод на с.199–200 (строки 110–199), в котором он обнаружил некоторую путаницу, не разъясненную им. В комментарии А.М.Астаховой говорится о том, что М.Б.Каменская получила этот текст ("Добрыня в отъезде") в записи самого Петра Ивановича; 3) на с.201 карандашом вписана выпущенная по каким-то причинам строка (после строки 170). Вписанное читается с трудом. Однако восстановить строку не трудно, т.к. на с.218 встречается та же формула (с некоторым несущественным расхождением):

Надо съехаться у камня у Латыря,
утово ле дуба, дуба уневина (т.е. У того ли дуба, дуба у Невина)
Да тех ли на дорожках на крестовых.

Загадочный "Невин" подтверждается записью той же былины ("Добрыня в отъезде" или "Добрыня и Василий Казимирович") от Т.Г.Рябинина⁵.

Этот эпизод, в текстологическом отношении не столько значительный, интересен как редкий случай маргиналий исполнителя в русской фольклористике. Он документирует одновременно как факт общения Петра Ивановича с книгой, так и весьма ограниченную грамотность его.

⁵ Песни, собранные П.И.Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т.1. С.119 и 130; Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1940. С.65 ("Невид"?) и 78 ("Невин"). В "Указателе к онежским былинам Гильфердинга" (СПб., 1909. С.28) учтено 6 упоминаний "Невида" и 2 "Невина".